

Семейные предания о предках-первопоселенцах в Забайкалье как источник исторической памяти русских старожилов Монголии

Владимир Леонидович Кляус

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН:
Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

Аннотация. В статье анализируются записанные автором два семейных предания от русских старожилов Монголии, рассказывающие о раннем периоде заселения русскими Западного Забайкалья, куда в XVIII в. пришли предки респондентов — казаки и старообрядцы. В преданиях, демонстрирующих глубину исторической памяти, отражаются причины, характер, способ переселения, взаимоотношения с коренными народами, особенности веры старообрядцев, дается генеалогия предков (до седьмого колена) и пр. При некоторых анахронизмах и неточностях семейные предания в целом с исторической точки зрения достоверно отражают заселение русскими приграничной с Монголией территории Забайкалья.

Ключевые слова: семейные предания, русские первопоселенцы Забайкалья, казаки, семейские, русские старожилы Монголии.

Исследование выполнено при поддержке РНФ. Проект № 23-18-00478 «Русские Монголии. Комплексное исследование культуры в иноэтническом окружении (фольклор, обрядовые традиции, язык)».

Дата поступления статьи: 10 сентября 2025 г.

Дата публикации: 25 декабря 2025 г.

Для цитирования: Кляус В. Л. Семейные предания о предках-первопоселенцах в Забайкалье как источник исторической памяти русских старожилов Монголии // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 4. С. 76–86.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.4.006>

Русские казаки пришли в Забайкалье в XVII в. и присоединили эту территорию к России, обеспечив подписание в 1689 г. с Цинской империей Нерчинского договора — первого соглашения с восточным соседом, по которому Даурия, как тогда называли эту территорию, становилась частью Российского государства. Удержание региона в дальнейшем воз-

можно было только с увеличением числа русских насельников, которые могли обеспечить его хозяйственное освоение и развитие. Российские власти, начиная с Петра Великого, прилагали значительные для этого усилия, и вполне успешно, хотя в большой мере переселенческая политика имела принудительный характер (см.: [Русские в Бурятии 2002, 66]).

Наиболее значимые русские социокультурные группы населения Забайкалья в XVIII — начале XX столетия — казаки и семейские (старообрядцы). Для исследователей остается актуальным вопрос поиска новых источников по их ранней истории.

Изучение исторической памяти, характера ее проявления, условий сохранности, специфики оценки событий истории — одна из важнейших задач современной гуманитарной науки. Фольклор служит тем источником, который позволяет рассмотреть «дела давно минувших дней» в их народном осмыслении. Предания, особенно семейные, играют в этом отношении особую роль, так как раскрывают исторические события на микроуровне, показывая, как они отражаются на судьбе отдельного человека, на его семье, как понимаются, формируют идентичность, позволяя выстраивать настоящее и определять стратегии будущего.

Говоря о забайкальских казаках, к сожалению, мы должны констатировать отсутствие такого значимого материала, как семейные и родовые предания о казаках-первопоселенцах за Байкалом. Без сомнения, основная причина этого — трагическая судьба Забайкальского казачьего войска, испепеленного в годы Гражданской войны, репрессиями и социальными потрясениями XX в. Именно поэтому встретить сегодня в бывших казачьих станицах, расположенных вдоль российско-монгольской и российско-китайской границ, потомков казаков сложно. Другая причина — перевод в казачье сословие горнозаводских и государственных крестьян, которое состоялось по высочайшему указу Николая I в 1851 г. У этих новоиспеченных казаков (а они составили на момент формирования Забайкальского казачьего войска более чем половину его численности) подобного рода преданий не могло быть по определению. Данные обстоятельства обуславливают ценность каждого текста о предках-казаках, записанных от их потомков. В качестве примера можно указать на три семейных предания, записанных в 1960-х гг. в Жи-

динском районе Бурятии от респондентов 1886–1916 г. р. [ФКС 1969, 184–187, 188–191, № 259, 261, 262].

Семейные предания семейских о переселении за Байкал в XVIII в. фиксировались уже первыми исследователями их истории и культуры (см.: [Максимов 1871, 323]). Значительную работу по их собиранию и изучению проделали фольклористы Бурятии (см.: [ФС 1963, 317–324; Тихонова 2006, 2015]). Среди потомков семейских и сегодня можно услышать краткие сообщения о приходе их предков в Забайкалье. Обычно в них просто отмечается роль Екатерины II, поскольку по ее решению сюда были отправлены старообрядцы из Ветки. Но здесь возникает вопрос определения источника данных нарративов, и весьма сложно выяснить, что пришло изустным путем, а что — из школы, краеведческой и музейной практики, научно-популярной литературы, СМИ. Без сомнения, на увеличение «вне-семейных», внешних источников повлиял факт включения в 2001 г. в Список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО объекта «Культурное пространство и устное творчество семейских». Он способствовал вниманию к семейским в других странах, развитию тематического этнотуризма «в гости к семейским», активному проведению научных исследований, в том числе и полевых, и, конечно, актуализировал интерес потомков семейских к собственной истории.

Русские старожилы Монголии, с которыми удавалось пообщаться во время проведения полевых исследований 2018–2024 гг. в Улан-Баторе, Дархане и Дзунхаре, рассказывая о своих старших родственниках-забайкальцах, оказавшихся в Монголии в 1920–1930-е гг., в большинстве случаев знают о поселениях исхода и сословной принадлежности предков, казаков или семейских. Хотя нередко они имеют самые общие представления об этом, говоря, к примеру, что «жили где-то под Читой», а за этим может пониматься весьма значительная территория. Отсутствие точных сведений может объясняться трагическим характером переселений, связанных с событиями Гражданской вой-

ны, раскулачиванием и расказачиванием, репрессиями, коллективизацией. Старшие родственники могли не рассказывать о причинах и месте исхода из соображений безопасности, стараясь оградить молодежь от различного рода последствий, учитывая в том числе и негативное отношение к русским старожилам Монголии со стороны консульских властей СССР и советских специалистов, считавших их потомками белогвардейцев. В этой связи особенно неожиданно было услышать от двух русских старожилов Монголии семейные предания о том, как их предки оказались в Забайкалье в ранний период его хозяйственного освоения.

Одно из преданий было записано от Александра Афанасьевича Таракановского (1952 г. р.): «У меня-та дед пришёл сюда (в Забайкалье. — В. К.), прапрадед, прапрапрадед, как в пятом поколении, э, Пимен был, Максимов Пимен. Он пришёл. Кто его отправил? Пётр <царь> его отправил сюда, в тридцать втором году, что ли, в семьсот тридцать втором году, перед смертью. Вот эта. И отправили сюда шесть пацанов, по двадцать одному году, поэтому отправили их сюда. Они приехали, здесь Корнаковка или где там они, Кудара, вот в этой деревне. <...> Их шесть пацанов отправили сюда, вот. Ну и чё? Всё дали! <Вплоть до ухвата! — Слуш.> Вплоть до ухвата. <...> Отправил захватывать эти территории. Караулы ставить. Так же агрессивно относились. Эти захватывали территории. Но их шесть пацанов отправили. Вот мой Пимен. Но Абро-, Абросим, по-моему, был, Хлебников был. <Игумнов. — Слуш.> Не, Игумнова не было. Ещё кто-то. Но я уж сейчас не буду. У меня где-то записано.

Вот и потом. Вот и с тех пор. Потом их, им, каждый отправили, каждому построить дома и каждому отправили по жене, с Дона, по русской жене, каждому в приказном порядке. Ну, чё сделаешь? Женился царь приказал, значит, женились. Отправили пона потом. Ну, он приехал. Ну, а чё, потом с нелюбимой долго проживёшь? Ему бабу дали. Чё её ему? Но они чё, они разошлись. И пона отправили, он вы-

крестил буряток, на бурятках они переженились. А тех, вот этих, от тех же, но которых им отправили, они, говорит, дети непутные были, непутные. А от буряток родились вот эти... <Путные. — Слуш.> Путные. Ха-ха-ха. А потом они скрещивались опять. <...>

Это моя тётка рассказывала. Моя тётка. А она. Она. А ей отец рассказывал, отец рассказывал. Она подробно помнила. Она в Шелеховой <потом жила>, она жила (раньше. — В. К.) в Селенгинской аймаке. Всё подробно запомнила. Я помню, что Пимен так дале, я вот, я знаю, что у меня дед Александр Николаевич. А это его отец — Александр Фролыч (вероятно, ошибка: Николай Фролыч. — В. К.), Фрол Палыч, а там Пал — не помню. Но само главное потом — Пимен. И это был. Это был, и всё это собравливалось. Пимен ближе приехал первый. И они устанавливали кар-, кордоны, устанавливали здесь по границе с Монголией» [ФК ИМЛИ РАН. Монголия, 2018].

А. А. Таракановский родился в Улан-Баторе, его старшие родственники по отцовской линии были из Мензенского караула (в настоящее время — с. Менза Красночикойского района Забайкальского края), по материнской — из Шарагольской станицы (с. Шарагол Кяхтинского района Бурятии). По его сообщению, он слышал предание от своей тетки Валентины Александровны, которая тоже жила в Монголии, а затем, как и многие русские, реэмигрировала на историческую родину и проживала в г. Шелехово Иркутской области.

Д. Б. Сундуева записала предание А. А. Таракановского несколько ранее, в 2013 г. Оно опубликовано в следующем виде: «Старики рассказывали, что Максимовы — с Дона. В 1715 г. царь Пётр отправил шестерых ребят-казаков Хлебникова, Аносова, Лужникова, Игумнова... Среди них был и Пимен Максимов. Пимен звали нашего предка. Царь их полностью обеспечил, говорили тогда, что всего было “до ухвата”. Они в Сибири кордоны ставили для охраны границы. Даже деревню какую-то основали.

Рассказывали старики, что царь выслал каждому по жене. Попа к ним отпра-

вил. И дети у них были. Говорят, что в те времена по несколько-то бурят выкредстил. От этих буряток и пошла крепкая порода. Более крепкая, выносливая, чем от тех жен. Этих детей звали «непутные» [Сундуева, Кляус 2024, 34–35].

Данный вариант более краток, без генеалогического древа и имеет содержательные отличия. Укажу наиболее важные:

1. В записи 2018 г. рассказчик сообщил, что семейное предание он слышал от своей тетки. В 2013 г. сказано обобщенно: «старики рассказывали».

2. Год, когда казаки пришли за Байкал, — не 1732-й, а 1715-й. И это более соответствует утверждению рассказчика о том, что Петр I отправил казаков.

3. Среди пришедших казаков с Пименом Максимовым кроме Абросима Хлебникова (имя не указано) названы Аносов, Лужников, а также Игумнов, о котором в варианте 2018 г. рассказчик сказал, что его не было. Игумнова ему напомнила супруга — М. Г. Таракановская (в приведенной выше записи обозначена — *Слуш.*).

4. Если в записи 2018 г. жены казаков были с Дона, то в варианте 2013 г. они сами были с Дона, что, понятно, точнее.

5. Территория, где обосновались казаки, в 2018 г. названа более конкретно — Кудара, а в 2013 г. обобщенно — в Сибири.

Подобного рода «фактические» различия вполне закономерны для устного текста, который подвержен варьированию, и свидетельствуют о его активном бытовании. Но необходимо учитывать, что опубликованный вариант предания включен в более обширный нарратив письменного характера, который составлен Д. Б. Сундуевой из интервью с А. А. Таракановским и одобренный перед публикацией рассказчиком.

Рассказывая мне в 2018 г. о месте прибытия «шести пацанов» по двадцать одному году от роду, А. А. Таракановский сначала ошибочно упоминает Корнаковку, о которой я с ним перед этим говорил, как об одном из первых русских поселении в Монголии, но затем называет Кудару. Кударинская крепостца была возведена на реке

Кудара, впадающей в Селенгу, по Указу государственной коллегии 1764 г. казаками, отправленным на границу Указом Сената 1760 г. [Военная энциклопедия 1914, 368–369]. Известно, что среди них были яицкие и донские казаки. Дон — как место исхода казаков-первопоселенцев — семейное предание сохранило. Но в этот период в России правила уже Елизавета Петровна. Несколько раньше, а именно почти сразу после кончины Петра I, в конце 1720-х, после подписания Буринского договора (1727), была основана, сначала как караул, Шарагольская станица, откуда был родом дед А. А. Таракановского. Впрочем, Кударинская и Шарагольская станицы находились по соседству, и данная разница не принципиальна, так как могла иметь место внутренняя миграция казаков внутри Кяхтинского округа. В любом случае рассказчик не знает точного места их поселения, но утверждает, что они основали его — «даже деревню какую-то основали».

Генеалогическое древо, которое выстраивает А. А. Таракановский по своей матери — Марии Александровны Таракановской (в девичестве Максимовой), выглядит так:

мать — Мария Александровна Максимова;

дед — Александр Николаевич Максимов;

прадед — Николай Фролович Максимов;

прапрадед — Фрол Павлович Максимов;

прапрапрадед — Павел Максимов;

прапра<...>дед — Пимен Максимов.

Причем рассказчик не уверен, был ли Павел сыном Пимена или же его внуком, а то и правнуком. В таком виде А. А. Таракановский — представитель уже седьмого поколения по линии Максимовых, хотя сам он, видимо, не пересчитывая, сказал, что Пимен «прапрапрапрадед, как в пятом поколении».

Важно, что в семейном предании сохранилось не только имя первопредка, но и имена его сослуживцев по «караулу», также посланных царем, — Абросим Хлебников, Аносов, Лужников, Игумнов. Правда, А. А. Таракановский называет имена пятерых, хотя говорит, что их было шестеро.

Судя по всему, предание о Пимене-первопредке сохранялось и у других Максимовых, проживавших в Монголии, но в иной версии. Об этом свидетельствуют материалы форума «Предыстория».

Пользователь «МВалерий» (видимо, Валерий Максимов), родившийся, как он пишет, в Монголии, 19 мая 2016 г. в ветке «МАКСИМОВЫ. БМ АССР, Р. Бурятия, МНР» написал следующее короткое сообщение: *«Наш род Максимовых идет с 1704 г. Когда 5 казаков пришли с Дона в Забайкалье. Среди них был Пимен — наш прапродитель»* [Максимовы].

«МВалерий» появлялся на форуме «Предыстория» только в мае — июне 2016 г., сделав всего 13 сообщений, 11 из которых относятся именно к разделу, посвященному фамилии Максимовы. По написанным текстам можно реконструировать примерное содержание данной версии семейного предания о Пимене и его потомках:

«Наш род Максимовых идет с 1704 г. Пять казаков пришли с Дона в Забайкалье. Среди них был Пимен — наш прапродитель, прапрапрадед. У него был сын — Иван. У Ивана, прапрадеда, было 6 сыновей, знаю только имена двух — Павел и Степан. У Павла Ивановича, прадеда, было три сына: Иннокентий, Афанасий и Иван. Мой дед, Иннокентий Павлович, родился 22 февраля 1885 г., его жену звали Арина, и у них было девять сыновей, в том числе мой отец — Петр Иннокентьевич. Дед с семьей жили на (sic!) Кударе, а оттуда они переехали в Монголию и жили в Джергалантуе. Примерно с 1950 г. дед проживал в Сухэ-Баторе. В Монголии Максимовы еще жили в Дархане и Зун-Харе. Я сам родился и вырос в Монголии». (Текст составлен на основе шести постов В. П. Максимова и литературно обработан.)

Из постов не ясно, какого года Петр Иннокентьевич, отец В. П. Максимова, и сколько лет ему самому. Немного проясняет это вступивший с ним в переписку другой пользователь форума, который сообщает ему то, что услышал от своей бабушки:

«Максимов Иннокентий относился к казакам, одна его семья проживала в Джергалантуе. Приехали с Кудары. Иннокентий

*одевался как казак. Старый был он. Дети его, два сына, воевали в ВОВ. Кеши не вернулся, пропал без вести, Дмитрий вернулся, но позже, задержался. У Максимовых была большая семья — старшая его дочь умерла при родах, дети Иннокентия помладше — **Петька** (выделено мной. — В. К.), Маша, Катька, Пашка, Колька [Максимовы].*

Известно, что в Монголии в Великую Отечественную войну русских старожилов стали призывать в 1942 г., т. е. Петьке тогда еще не было 18 лет, а значит, он родился после 1925 г. Уже в Монголии или на территории Советской России, в Кударе — неважно. Исходя из этого, можно предположить, что самая нижняя граница возраста его сына, В. П. Максимова, — это 1945 г., а верхняя — конец 1950-х гг., а значит, они примерно ровесники с А. А. Таракановским.

Сравнивая две версии предания, можно указать на следующие общие моменты. Хотя В. П. Максимов о Петре I не говорит, но указанный им год появления казаков в Забайкалье относится к периоду его правления. В варианте В. П. Максимова также несколько казаков — 5, на одного меньше, чем у А. А. Таракановского, но, напомню, последний назвал именно столько имен. Совпадает и место выхода казаков — они с Дона. И в той и другой версии дается генеалогическое древо. У В. П. Максимова оно выглядит следующим образом:

отец — Петр Иннокентьевич Максимов;

дед — Иннокентий Павлович Максимов;

прадед — Павел Иванович Максимов;

прапрадед — Иван Пименович Максимов;

прапрапрадед — Пимен Максимов.

В. П. Максимов, видимо, не был до конца уверен в том, что Иван — это именно сын Пимена, подразумевая, что он мог быть и его внуком или даже правнуком, так как в своем посте после его отчества поставил вопрос — *«Иван Пимович (?)»*. Если все же Иван — это сын Пимена, тогда сам В. П. Максимов — представитель шестого поколения.

Два генеалогических древа, А. А. Таракановского и В. П. Максимова, не пересе-

каются совсем, однозначно общий у них только «первопредок» Пимен.

Пимен Максимов

Павел Максимов

Фрол Павлович Максимов

Николай Фролович Максимов

Александр Николаевич Максимов,
1885 г. р.

Мария Александровна Максимова,
1932 г. р.

Александр Афанасьевич Таракановский,
1952 г. р.

Иван Пименович (?) Максимов

Павел Иванович Максимов

Иннокентий Павлович Максимов,
1885 г. р.

Петр Иннокентьевич Максимов,
возможный период г. р. 1925–1940

Валерий Петрович Максимов,
возможный период г. р. 1945–1960

Можно было бы подумать, что Павел Максимов и Павел Иванович Максимов — это одно лицо. Но говоря о своем прадеде Павле Ивановиче, В. П. Максимов указывает, что у него было три сына — «Иннокентий, Афанасий и Иван». Фрола (прапрадеда А. А. Таракановского) не было.

С учетом синхронности дней рождения трех последних поколений в этих двух генеалогических линиях можно предположить, что В. П. Максимов был прав в своих сомнениях относительно того, что его прапрадед Иван был именно сыном Пимена. Возможно, он был сыном Павла Максимова (прапрапрадеда А. А. Таракановского). И позже Иван мог назвать своего сына Павла в честь отца (см. древо В. П. Максимова). В этом случае у В. П. Максимова и А. А. Таракановского, теоретически возможно, еще один общий предок — Павел (Пименович?) Максимов, и тогда они оба представители седьмого поколения. Если считать длительность одного поколения от 20 до 30 лет, то приход Пимена в Забайкалье, отсчитывая от 1952 г. (г. р. А. А. Таракановского), произошел в промежуток с 1742 по 1812 г. И в этом случае он действительно с другими казаками с Дона мог быть одним из первых служивых в Кударинской крепостце.

Вероятно, среди других Максимовых также сохраняются семейные предания. К примеру, Л. П. Махова в 2024 г. в с. Шарагол Кяхтинского района Бурятии записала от А. И. Максимова (1961 г. р.)

краткое сообщение о том, что за Байкал пришел его прадед — Степан Максимов: «Но оне са.. прё-, прёсланы были охранять границы. Два брата было, шли служить. Один в Кирёти остался, а один сюда — в Шарагол».

На вопрос о том, кто его прислал на границу, респондент ответил: «Не знаю. От... от царя или от царицы. Кто там были?» На что слушатель, другой житель Шарагола, уверенно заявил: «Екатерина отправляла, чо» [ФК ИМЛИ РАН. Бурятия, 2024].

Степана Максимова как брата прадеда упоминает В. П. Максимов (см. его реконструированное предание). К сожалению, А. И. Максимов не смог назвать отчество этого Степана. В данной версии генеалогическое древо сокращается до четырех поколений, а само предание осложняется мотивом о двух братьях-первопоселенцах, являющимся, по мнению исследователей, одним из архаичных сюжетобразующих мотивов этого жанра русского фольклора Восточной Сибири (см.: [Тихонова 2006, 45–46]).

Точную генеалогию Максимовых, предком которых был казак-первопоселенец Пимен, можно попытаться восстановить по метрическим книгам Кяхтинского уезда XVIII–XIX вв., куда входили церкви станиц Кударинской и Шарагольской. Но это особая задача, требующая работу в архивах Читы, Улан-Удэ, Кяхты, Иркутска, Москвы. С учетом значитель-

ной утраты этих материалов можно ничего и не обнаружить и данные предания могут оказаться единственным, хотя и устным, источником о казачьих предках В. П. Максимова и А. А. Таракановского.

В постах В. П. Максимова, послуживших основой реконструкции «текста» его предания, содержатся только фактические данные, отсутствуют рефлексия по поводу той информации, которую он услышал от своих старших родственников, эмоциональные рассуждения и пр. Сам по себе он свидетельствует только о глубине исторической памяти, сохраняющейся в отдельных казачьих семьях. Семейное предание А. А. Таракановского, представляющее собой устный нарратив, позволяет рассмотреть иные ее аспекты.

Так, отправной точкой появления своих предков за Байкалом А. А. Таракановский называет решение Петра I отправить казаков на охрану границы. То, что в устном семейном предании именно ему приписывается данная инициатива, соответствует образу первого русского императора в народной историографии.

В исторической памяти потомка забайкальских казаков сохранилось понимание характера освоения приграничных земель: *«Так же агрессивно относились. Эти захватывали территории»*, что отражает сложные отношения с Цинской империей в XVIII в., острую необходимость насытить границу именно русскими служилыми людьми. Российская власть предпринимала для этого максимум усилий, снабжая отправленных казаков буквально всем необходимым в бытовом отношении (*«вплоть до ухвата»*), о чем неоднократно писали исследователи, приводя соответствующие документы [Константинова 2014, 48, 176]. К примеру, Ф. Ф. Болонев отмечает, что в Забайкалье «первоначально все предметы жизнеобеспечения и орудия труда ввозились из России — одежда, обувь, посуда, оружие, инструменты, сельхозинвентарь и т. п.» [Болонев 2015, 411].

Присылал царь, как следует из предания А. А. Таракановского, казакам и жен. Но с русскими женщинами у казаков вы-

шла незадача. Отправленные по указу императора оказались «непутными», и дети от них родились «непутные». К тому же — как рассуждает рассказчик — «С любимой долго проживёшь? Ему бабу дали. Чё её ему? Но они чё, они разошлись». Откуда появились такие «непутные» жены, мы можем только догадываться. Скорее всего, это были женщины, сосланные в Сибирь за различные преступления. И здесь нелишне будет вспомнить описанный Н. Н. Смирновым случай массовой «свадьбы» конца 1850-х гг. зачисленных графом Н. Н. Муравьевым-Амурским в казаки проштрафившихся солдат с женщинами легкого поведения, собранных по его приказу губернатора со всех городов Восточной Сибири [Смирнов 2008, 52].

По любви, как мы понимаем из текста предания, казаки женились на девушках-бурятках, которых в православную веру крестил также присланный царем поп. Вот от них дети пошли уже «путные». Русско-бурятские семьи — обычное явление среди казаков для раннего периода освоения русскими данного региона, что оказало прямое влияние на антропологический тип потомков.

Почему Максимова разных ветвей так ревностно хранили память о своем первопредке Пимене, сказать сложно. Но показательно, что, находясь в Монголии, они не забывали свое казачье прошлое и, возможно, именно проживание на чужбине способствовало актуализации семейной памяти.

От русских старожилов Монголии, но уже от потомков семейских, также в 2018 г. мной было записано семейное предание, рассказывающее о том, как оказались старообрядцы в Забайкалье. Услышал я его от Анны Ивановны Полуяновой, 1934 г. р.: *«Вот моего отца родители да, они же где-то с севера. Мы, я даже точно не знаю: или бабушка была белоруска, или она, конечно, с... с севера, или какой-то другой национальности. И их вот за это, как это... ста-, старо-, старообрядцы, что ли, они были. Вот их за веру да, и сослали. Старообрядцы — они же крестились-та, вроде, двумя, что ли, пальцами, да. Это в какие-*

то там тысяча семисотые годы, что ли. И их оттуда...

Вот моя бабушка, мой, у неё было, был мой отец Иван, потом ещё три сестры. Наталья, вот сейчас у меня есть фотография этой Натальи. Две сестры — Анна Борисовна и Наталья Борисовна.

И вот бабушка... Это уже со слов я мамы своей, что дедушка был в кандалах, да, а она на телеге. Не на телеге, а на ходке, или на телеге там, сидела с детьми. Не то что там одну семью высылали, а вот просто, видимо, обоз шел. И вот их сослали вот сюда в Сибирь, вот в этот Хилкотой» [ФК ИМЛИ РАН. Монголия, 2018].

В 2013 г. вариант предания был записан Д. Б. Сундуевой, оно включено в подготовленный ею автобиографический нарратив А. И. Полуяновой: «Отцова мать рассказывала, что они были сосланы. Они молились двумя перстами. Где-то они с севера были. Шли два года из мест, где течет река Вилюйка или Велейка. Отцова мать рассказывала, что сидела на телеге. А отец ее шел рядом в кандалах. Так они были высланы в Хилкотой. Это еще до революции было» [Сундуева, Кляус 2024, 38].

Два варианта предания дополняют друг друга, в них абсолютно точно обрисована картина переселения за Байкал старообрядцев, выдворенных с ветковских слобод, которые находились на тот момент на территории Речи Посполитой. Это произошло в 1764 г. по велению Екатерины II (так называемая вторая ветковская выгонка). Единственный анахронизм, который присутствует в тексте, — это то, что всё якобы произошло с родной бабушкой рассказчицы по отцу — Анастасией Сыроквашкиной (девичья фамилия неизвестна), хотя при этом А. И. Полуянова оговорила в 2018 г.: «Это в какие-то там **тысяча семисотые годы** (выделено мной. — В. К.), что ли».

Каким образом произошел временной сдвиг более чем в сто лет, сказать сложно. Можно только предположить, что рассказ бабушки настолько эмоционально поразила Анну Ивановну, что она восприняла его как ее личную историю.

Сомнение в русской национальности бабушки (в тексте 2018 г. — «бабушка

была белоруска или <...> или какой-то другой национальности») поддерживалось тем, что, по словам А. И. Полуяновой, она постоянно употребляла какие-то непонятные слова, к примеру, «заточай печку», т. е. «зажигай печку», «бульба» вместо «картошка». Но, возможно, это латентная память о том, что предки семейских были переселены из Польши.

В определенной степени территория ветковских слобод (в настоящее время это северо-восточные районы Гомельской области Белоруссии), действительно, по отношению к Забайкалью находится к северу, точнее — к северо-западу. Но что примечательно, в записи 2013 г. А. И. Полуянова называет точный географический объект — «Шли два года из мест, где течет река Вилюйка или Велейка». Такая река действительно существует. Вилейка — правый приток Сожи, протяженностью 12 км, она протекает в современном Кормянском районе Гомельской области [Таблица], находящемся по соседству с Ветковским районом.

Известно, что ветковских старообрядцев приводили в Забайкалье несколькими группами, в основном в 1765–1767 гг. Предки А. И. Полуяновой шли два года, т. е. в Забайкалье они прибыли в 1767 г.: «Не то что там одну семью высылали, а вот просто, видимо, обоз шел». При этом мужчины шли «в кандалах», а женщины с детьми ехали «на телегах». В документах действительно упоминается, что для партий, которые вели в Сибирь из Польши, закупались подводы [Болонев 1992, 41]. А необходимость использования кандалов для мужчин объясняется тем, что во время перехода, несмотря на усиленный конвой, нередко случались побеги, что нашло отражение в архивных документах [Там же, 40].

Деревня, где осели предки А. И. Полуяновой, — Хилкотой. Она была основана в 1762 г. высланными в Забайкалье крестьянами по Указу 1760 г., который давал возможность помещикам своих крестьян «за предерзостные поступки» ссылат в Сибирь на поселение в зачет рекрутов. «Польские колонисты» (так на-

звал семейских академик П. С. Паллас) были подселены к ним в 1767 г. Об этом свидетельствует архивный документ, обнаруженный Ф. Ф. Болоневым, который приводит из него цитату: «Старообрядцы Хилкотойской деревни Доронинского округа Гутайского ведомства протопопу Стефану Устюжанинову в своем ответе пишут: “Переселены мы в прошлом 1767 году из Польши, из разных селений, лежавших **по реке Сожи** (выделено мною. — В.К.) в количестве мужеска пола 67 душ и женска пола 56 душ”» [Там же, 51].

В начале XX в. Хилкотой был довольно большим поселением. Судя по сельскохозяйственной переписи 1923 г., в нем насчитывалось не менее 269 дворов, в них проживало 744 души (661 муж. и 683 жен.) [ГАЗК]. В эту перепись попала и семья бабушки А. И. Полуяновой, от которой она слышала предание о переселении. На тот момент, судя по карточке, вместе с *Б. И. Сорокавашиным* (69 лет) и *Настасьей* (69 лет) проживали «дочь» Мария, 20 лет, и «сын» Степан, 6 лет [Там же, т. 1, л. 86]. Статистик, заполнявший карточку, явно ошибся, обозначив Марию и Степана как дочь и сына, — они были их внуками, а для А. И. Полуяновой — старшими сестрой и братом, во всяком случае, Степан точно (см.: [Сундужева, Кляус 2024, 38]). Хотя, может быть, и сами «родители» специально ввели переписчика в заблуждение, ведь шел 1923 г., только закончилась Гражданская война.

В настоящее время Хилкотой еще формально существует (входит в состав сельского поселения Жиндойское Красночикойского района Забайкальского края), но, побывав в нем летом 2025 г., я увидел, что разработки россыпного золота, которые сейчас ведет китайская компания по р. Катанца, уже вплотную (буквально почти на 100 м) подошли к домам. По общению местных жителей, сейчас в Хилкотое осталось только четыре семьи.

В предании совершенно точно сказано, за что выслали старообрядцев в Забайкалье — за веру; при этом отмечается наиболее ее яркая черта, отличающая их от православных господствующей Церк-

ви, — двуперстие: «*Вот их за веру да, и сослали. Старообрядцы они же крестились-та, вроде, двумя что ли пальцами, да*».

Схожий мотив встречается в преданиях семейских, записанных в Бурятии [Тихонова 2015, 308]. Но среди русских старожилов Монголии это пока единственное сообщение об особенностях веры семейских, записанное в 2018–2024 гг. Остальные респонденты, которые рассказывали о них, в том числе о своих старших родственниках, отмечали только внешние стороны их жизни, отличающие от других: чистота в домах, хозяйственность и некоторая замкнутость, малообщительность.

В условиях социалистической Монголии в 1920–1980-е гг. открыто проявлять свою религиозность старообрядцы не имели возможности. Пока не обнаружено свидетельств о том, что при явном отсутствии церквей и священников у них сохранялся институт уставщиков и были молитвенные дома. Именно поэтому можно с большой долей вероятности предположить, что знание о том, что семейские крестились двумя перстами, было получено А. И. Полуяновой от своей бабушки в связи с ее объяснением, почему их предки были сосланы «*в Сибирь*».

Завершая анализ преданий А. А. Таракановского и А. И. Полуяновой, еще раз отметим: несмотря на некоторые анахронизмы и неточности, оба текста довольно точно отражают характер раннего заселения русскими приграничных с Монголией земель Западного Забайкалья, являясь примером глубины исторической памяти потомков забайкальских казаков и семейских. Показательно, что они сохранились среди русских старожилов Монголии, чьи старшие родственники ушли после окончания Гражданской войны в 1920–1930-е гг. за границу. Для представителей первой послереволюционной волны российских эмигрантов характерно бережное отношение к памяти о своих корнях, сохранение своей идентичности, в том числе сословной. В Монголии, где социокультурная ситуация была и остается весьма сложной, оторванность от исторической родины, как видим, также способствует тому, что русские продолжают помнить и рассказывать о своих предках.

Источники и материалы

Военная энциклопедия 1914 — Военная энциклопедия. Т. 14. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1914.

ГАЗК — Государственный архив Забайкальского края. Ф. Р-62. Оп. 2. Д. 785 (Подворные карточки Жиндино-Хилкотойской волости сельскохозяйственной переписи 1923 года на Дальнем Востоке. Т. 2), 916 (Подворные карточки Жиндино-Хилкотойской волости сельскохозяйственной переписи 1923 года на Дальнем Востоке. Т. 1).

Максимов 1871 — Максимов С. В. Сибирь и каторга. Ч. 1. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871.

Максимовы — Предыстория. Форум «МАКСИМОВЫ. БМ АССР, Р. Бурятия, МНР». URL: <https://predistoria.org/forums/index.php?topic=2416.0> (дата обращения: 14.08.2025).

Смирнов 2008 — Смирнов Н. Н. Забайкальское казачество. М.: Вече, 2008.

Таблица — Экологический портал Республики Беларусь. Таблица В.1.10 — Общая характеристика речной сети Гомельской области. URL: <https://ecoportal.gov.by/upload/iblock/a50/a5070db38f3f6aa5eedb601cfc03c188.pdf> (дата обращения: 14.08.2025).

ФК ИМЛИ РАН. Монголия 2018 — Фольклорная коллекция Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Фонд В. Л. Кляуса. Экспедиция в Монголию, 2018 г.

ФК ИМЛИ РАН. Бурятия, 2024 — Фольклорная коллекция Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Фонд Л. П. Маховой. Экспедиция в Бурятию, 2025 г.

ФКС 1969 — Фольклор казаков Сибири / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский; Общ. ред. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1969.

ФС 1963 — Фольклор семейских / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский; Общ. ред. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1963.

Исследования

Болонев 1992 — Болонев Ф. Ф. Семейские: Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992.

Болонев 2015 — Болонев Ф. Ф. Семейская живая старина за Байкалом: Очерки истории, культуры, быта и межэтническое взаимодействие: Сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2015.

Константинова 2014 — Константинова Н. Н. Рубеж полуденного края (Формирование и охрана забайкальской границы в середине XVII — начале XX веков). Чита: Экспресс-изд-во, 2014.

Русские в Бурятии 2002 — Русские в Бурятии. История и современность / Отв. ред. В. И. Затеев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2002.

Сундуева, Кляус 2024 — Русские старожилы Монголии в воспоминаниях, очерках и фотографиях / Сост. Д. Б. Сундуева, В. Л. Кляус. М.: ИМЛИ РАН, 2024.

Тихонова 2006 — Тихонова Е. Л. Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2006.

Тихонова 2015 — Тихонова Е. Л. «Народная история» старообрядцев Бурятии // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2015. С. 303–311.

© В. Л. Кляус, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кляус В. Л. <https://orcid.org/0000-0002-8147-3090>

Доктор филологических наук, начальник отдела историко-филологических наук РАН — заместитель академика-секретаря ОИФН РАН по научно-организационной работе, заведующий отделом фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; тел.: +7 (495) 690-50-30; e-mail: v.klyaus@mail.ru

Family Legends about the Pioneering Ancestors of Transbaikal As a Source of Historical Memory for Old-Time Russian Settlers in Mongolia

Vladimir L. Klyaus

(M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences:
25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

Summary. This article analyses two family legends recorded by the author from Russian old-time settlers of Mongolia which tell about the early period of the Russian settlement of western Transbaikal, where the ancestors of the respondents — Cossacks and Old Believers — came in

the eighteenth century. The legends demonstrate the depth of collective memory and reflect the reasons, nature, and manner of resettlement, as well as relations with indigenous peoples. They also describe such things as family genealogy (up to seven generations) and peculiarities of the Old Believers' faith. Despite some anachronisms and inaccuracies, from an historical point of view family legends often accurately reflect the Russian settlement of the territory of Transbaikalia bordering with Mongolia.

Key words: family legends, Russian first settlers of Transbaikalia, Cossacks, semeiskie, Russian Old-Time settlers of Mongolia.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of RFS project No. 23-18-00478, "Russian Mongolia. A Comprehensive Study of Culture in a Non-Ethnic Environment (Folklore, Ritual Traditions, Language)".

Received: September 10, 2025.

Date of publication: December 25, 2025.

For citation: Klyaus V. L. Family Legends about the Pioneering Ancestors of Transbaikalia As a Source of Historical Memory for Old-Time Russian Settlers in Mongolia. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 4. Pp. 76–86. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.4.006>

References

Bolonev F. F. (1992) *Semeiskie: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Semeyskie: Historical and Ethnographic Essays]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo. In Russian.

Bolonev F. F. (2015) *Semeiskaya zhivaya starina za Baikalom. Ocherki istorii, kul'tury, byta i mezhehtnicheskoe vzaimodeistvie* [The Living Semeiskii Past Beyond Lake Baikal: Essays on History, Culture, Everyday Life and Interethnic Interaction]. Ulan-Ude. In Russian.

Konstantinova N. N. (2014). *Rubezh poludennogo kraia (Formirovaniye i okhrana zabaykal'skoy granitsy v seredine XVII — nachale XX vekov)* [The Border of the Southern Region (Formation and Protection of the Transbaikalia Border in the Mid Seventeenth — Early Twentieth Century)]. Chita. In Russian.

Sundueva D. B., Klyaus V. L. (comp.) (2024) *Russkie starozhily Mongolii v vospominaniyakh, ocherkakh i fotografiyakh* [Russian Old-Time Residents of Mongolia in Memoirs, Essays, and Photographs]. Moscow: IMLI RAN. In Russian

Tikhonova E. L. (2006) *Russkie predaniya Vostochnoi Sibiri o zaselenii i osvoenii kraia* [Russian Legends of Eastern Siberia about the Settlement and Development of the Region]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo nauch. tsentra SO RAN. In Russian.

Tikhonova E. L. (2015) «Narodnaya istoriya» staroobryadtsev Buryatii [The "Popular History" of the Old Believers of Buryatia]. In: *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi* [Old Believers: History and Modernity, Local Traditions, Russian and Foreign Relations]. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosun-ta. Pp. 303–311. In Russian.

Zateev V. I. (ed.) (2002) *Russkie v Buryatii. Istoriya i sovremennost'* [Russians in Buryatia: History and Present]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta. In Russian.

© V. L. Klyaus, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir L. Klyaus <https://orcid.org/0000-0002-8147-3090>

E-mail: v.klyaus@mail.ru

Tel.: +7 (495) 690-50-30

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

DSc in Philology, Chair, Department of Historical and Philological Sciences, Russian Academy of Sciences; Deputy for the Academician-Secretary of DHPS of the Russian Academy of Sciences for scientific and organizational work; Head of the Folklore Division, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)